

ВАЛЕРИЙ ШАРАПОВ

УБИЙСТВО.

Дубль первый

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ш25

Шарапов, Валерий Георгиевич.

Ш25 Убийство. Дубль первый / Валерий Шарапов. — Москва : Эксмо, 2026. — 320 с.

ISBN 978-5-04-248542-8

Конец восьмидесятых. Размеренную жизнь подмосковного санатория нарушает приезд киногоруппы, снимающей детектив. Однако криминальная завязка случается еще до начала съемок. Актера Роберта Златоуста находят повешенным на дереве. Капитан милиции Илья Дозморов и следователь Михаил Варчук уверены: это тщательно спланированное убийство, замаскированное под суицид. Но кому помещал малоизвестный артист? Явного повода для расправы нет ни у кого из его окружения. Тем временем происходит еще одно убийство: зарублена топором отдыхавшая в санатории девушка. Сыщики теряются в догадках — связаны ли эти происшествия между собой? Постепенно у следствия рождается версия, на которую, как на кровавую нить, нанизываются все последующие события...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-248542-8

© Шарапов В., 2026
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ПРОЛОГ

Она стала привыкать к одиночеству.

Поначалу просыпалась ночью, шарила привычно рукой в темноте справа, потом слева. Когда, осознав и вспомнив все, что свалилось на нее в последние недели, начинала содрогаться всем телом, утыкалась головой в подушку, гасила рыдания, как могла. Случалось, даже колотила руками по софе, на которой спала, как будто этим можно было что-то исправить.

Дура! Раньше надо было думать, делать выводы и что-то предпринимать!

Но раньше она была как слепая.

Сейчас, когда прошло несколько месяцев после того кошмара в санатории, она ночами почти не просыпалась. Если просыпалась, то садилась, долго с закрытыми глазами сидела на софе, потом вставала, шла в ночнушке на кухню, включала свет, ставила чайник на плиту, открывала холодильник...

Для кого ей сейчас фигуру блюсти?

Мужа посадили на восемь лет! За эти годы столько может всего случиться! Например, небо свалится на землю, сама Земля сойдет с орбиты и улетит черт знает куда! Восемь лет — целая вечность!

Помнится, когда судья, худощавая женщина в возрасте, зачитала вердикт, потом закрыла папку, подняла взгляд на нее и как-то посмотрела так... Словно хотела что-то сказать.

Сейчас впереди — полная неизвестность. На работе все осточертело. Коллеги стараются вести себя ровно, индифферентно, не переступая черту дозволенности.

Детей они с мужем не завели, посчитали, что сперва надо пожить для себя. Она поначалу еще сомневалась в правоте этого суждения, потом грянула перестройка, из магазинов стали постепенно исчезать все товары. Не до детей стало.

Похожие друг на друга дни медленно складывались в недели, недели — в месяцы... Тошно!

Правда, кое-что еще есть, осталось... Его последние слова, сказанные тогда в санатории, которые она помнит до сих пор. Тогда их проигнорировала, дескать, ерунду несешь, бред, околесицу...

А теперь понимала, что это — единственное, что их связывает. То, что было до того, и это, что наступило после. Интересное, насыщенное эмоциями прошлое и тухлое, ни о чем, настоящее.

Вокзал, камеры хранения. Номер камеры, шифр. Разбуди ее среди ночи, изваяй в снегу, окати ледяной водой — она повторит их без запинки.

Хватит! Она ждала долго. Сегодня она разрубит этот узел.

За окнами — конец декабря, елки по городу продают, бенгальские огни, скоро — новый, 1989 год наступит, а она все ждет чего-то. Сколько можно!

Выйдя на улицу, поежилась. Навстречу попался сосед, живущий двумя этажами выше. Пусть не поздоровался, отвел взгляд в сторону, но все равно хорошо. Мужик первым попался навстречу! Не баба! Значит, повезет!

Ехала в битком набитом трамвае, вышла на остановку раньше, побродила по парку. Все как советовал муж. Оглядывалась по сторонам, присматривалась. Все как обычно — городская суета, мельтешение лиц, спешка.

До железнодорожного вокзала дошла пешком, поскользнулась, чуть не растянулась во весь рост у киоска «Союзпечати», вот был бы кадр! Пошла за кладом, а схлопотала перелом. Но, слава богу, все обошлось.

Вокзал встретил гамом, суетой, толчеей. Если какие-то сомнения у нее и были, они тут же испарились в одночасье. Кто за ней тут следит? Кому она нужна? Сотни спешащих пассажиров с чемоданами и сумками, причем в разных направлениях, туда-сюда... Очереди у билетных касс.

Вот и камеры хранения. Та, что нужна, — во втором сверху ряду, восемьдесят четвертая, год их свадьбы.

Год их свадьбы... На глазах выступили слезы, но она тотчас смахнула их. Сейчас не время предаваться плаксивым воспоминаниям! Сейчас время действовать!

Для того, что окажется за дверцей, у нее приготовлен обычный неброский пакет. Чтобы быстро переложить из камеры то, что там окажется.

На всякий случай еще раз осмотрелась. Обычная суета, все открывают-закрывают дверцы своих камер... Все под контролем...

Шифр «В154» она прекрасно помнила. Не спеша набрала букву, первую цифру, вторую, третью. Вот он, долгожданный щелчок. Как она ждала этого момента!

Значит, все получилось, и она сейчас увидит то, ради чего ее муж рискнул свободой... Дверца открылась.

В темноте лежал небольшой предмет, напоминающий завернутую в крафт-бумагу небольшую коробку или шкатулку. Она потянулась за ним, держа наготове пакет, достала...

Что произошло дальше, так и не поняла. На миг все вокруг осветила фотовспышка, потом еще, еще... Ей показалось, что в ближайших камерах так называемые пассажиры прятали свои фотоаппараты. Разом их вынули и начали щелкать.

Она как парализованная стояла, прижимая к груди сверток, и в первые секунды не могла двинуться с места. Из толпы к ней подошел коренастый мужчина в штатском, которого она узнала.

— Ну наконец-то! Понятые, прошу сюда, — выдохнул он устало. И улыбнулся. — А мы собирались в новом году уже снимать наблюдение. М-м-да...

КАПИТАНЫ ПРИХОДЯТ И УХОДЯТ...

Капли лекарства, летящие из пузырька в стакан, что подрагивал в руке главврача санатория Зиновия Яновича Желанова, словно упущенные минуты, отзывались болью в голове капитана Дозморова. Они уже четверть часа сидели друг напротив друга: опытный опер и главврач — и не могли прийти к общему знаменателю.

Дозморов продолжал напирать на беднягу, не смотря на то что у Зиновия Яновича покраснело лицо и начала слегка дергаться правая щека. Вообще, главврач напоминал ему в этот момент Водяного из мультика про летучий корабль: отечное лицо, вьющиеся седые волосы, несколько подбородков, тонкие руки. Не хватало только шляпы, которую можно было легко дорисовать в воображении.

— Поймите же наконец, у нас убийство! А вам не терпится в перестройку поиграть! — выстреливал оперативник фразу за фразой, барабанил пальцами по папке, которую всегда носил с собой. — Хотите изобразить гласность, чтоб все демократично прошло?

Понимаю... Но это не тот случай! Тут важно все делать оперативно.

— Это вы меня поймите, товарищ капитан. — Добавив в стакан воды из графина и тщательно взболтав полученную смесь, главврач выпил ее в два глотка. — Многие только что вернулись с завтрака, а вы хотите на них обрушить такое. Это сердечники с гипертониками, астматики с диабетиками... К тому же у вас нет уверенности, насколько я понял, что убийца — в санатории!

— Вы меня откровенным-то чудовищем не рисуйте! — теряя терпение, Дозморов поднялся со стула, на котором сидел, полагая, что, возвышаясь над сидящим Желановым, он будет выглядеть более убедительно. — Ничего я не собираюсь на них, как вы говорите, обрушивать... От вас требуется одно: срочно предоставить мне список всех отдыхающих по комнатам и этажам. Он имеется в любом санатории. И обеспечить доступ, не мешать оперативникам. До обеда чтоб никаких процедур...

— Простите, как вас по имени-отчеству, — сделав глубокий вдох, поинтересовался главврач.

— Илья Авдеевич.

— Илья Авдеевич, список сейчас секретарь принесет... Что значит — никаких процедур до обеда? Вы представляете, что тут поднимется?! Жалобы начнутся, недовольства... Поэтому я все же... предлагаю... Нет, я настаиваю... собрать отдыхающих сначала в актовом зале и разъяснить, что произошло ночью, по-человечески, мягко... Впрочем, вы не врач, вам это не понять...

— Не понять... Куда уж мне... — мотнул по-лошадиному головой капитан. — Напоминаю еще раз: это убийство!

— Так убитого уже не вернешь! — стоял на своем Желанов, выпучив на капитана глаза, которые и без того были навывахе. — А вы хотите, чтоб еще... последовали... жертвы... Они ведь будут на вашей совести! Неужто не понимаете, что это кошмар, шок! Для подавляющего большинства! Не припомню за свою долгую деятельность на этом посту ничего подобного, это ж... Немыслимо!

Дозморов решил прервать поток ненужных эмоций:

— Зиновий Янович, сколько человек отдыхает в санатории сейчас?

— Что?.. Э-э-э... Двадцать один, кажется, — споткнувшись на ровном месте, с трудом вспомнил главврач. — Не считая съемочной группы, разумеется. У нас не совсем санаторий, скорее, профилакторий. Мы фактически являемся подразделением завода... «Гермеснефтемаш». Это уж для москвичей мы обозначились как санаторий, им так привычней.

— Все равно народу мало... Кот наплакал...

— Так вам же легче искать... этого... убийцу. Если он, конечно, прячется у нас, во что лично я не верю!

— Не факт, не факт...

— Кстати, и постановления на обыск у вас нет, — как бы между прочим заметил Желанов, тряхнув обоими подбородками.

— Мы пока не собираемся никого обыскивать, мы просто хотим допросить... Для начала. А поста-

новление будет, не сомневайтесь. Так почему, говорите, народу так мало?

— В конце августа всегда так, — словно извиняясь, проговорил Желанов и пожал плечами. — Неделю назад закончилась последняя детская смена. У нас обычно ремонт в это время. Нынче руководство предприятия... решило, что хватит одной генеральной уборки. Никаких бригад не выделило. В общем, имеем то, что имеем. Именно из-за того, что у нас такой... недокомплект, к нам и пожаловала съемочная группа Одесской киностудии.

— Да мне хоть из Москвы, — бросил небрежно капитан. — Повторюсь: сейчас главное — оперативность. Съемочная группа, я так понимаю, у вас тоже впервые?

— Правильно понимаете.

— А жалобы — это так, мелочи, издержки производства, к ним я привык. Если бы я на каждую жалобу обращал внимание...

В этот момент раздался стук в дверь и полноватая, восточного типа брюнетка, царственно прошествовав мимо капитана, положила перед главврачом несколько отксерокопированных листов бумаги.

Пробежав глазами каждый, Зиновий Янович развел руками и протянул листки Дозморову.

— Вроде все разборчиво.

— Благодарю вас за оперативность. — Не глядя, капитан спрятал бумаги в папку и направился к выходу, оставив главврача наедине с секретарем. — Приступаем к работе. Не забудьте: до обеда никаких процедур! Мы постараемся уложиться.

Оказавшись на улице, он сперва направился к милиционерскому «уазику», потом остановился, оглянувшись на пятиэтажное здание санатория.

Что лучше: запереть всех по камерам, пардон, по комнатам, и вызывать каждого на допрос по очереди или — пройти по комнатам, побеседовав с глазу на глаз, проследив, чтоб никто при этом не общался друг с другом? Если что — персонал санатория можно привлечь к этому делу, хотя... Сотрудники санатория тоже теоретически подозреваемые. Никуда от этого не деться. М-да, вопросы, вопросы...

Короче, придется импровизировать.

В голову капитану лезли мысли — одна крамольней другой. По сути, санаторий — своего рода большой СИЗО, даже замки врезаны. Пусть ключи находятся не у надзирателей, а у самих заключенных, в смысле отдыхающих. Среди которых, кстати, запросто мог затесаться убийца. Хотя... не факт.

Все умные сейчас! Детективов зарубежных начали... Чандлеров-Чейзов всяких. Вооружены до зубов. Хлебом не корми — дай органы правопорядка покритиковать. Как же, гласность!

Но сегодня с утра для них начнется другой отсчет времени. Кто-то знает, кто-то еще нет, но скоро обязательно узнает. Подобные новости разлетаются в мгновение ока.

Что делать, граждане, придется смириться.

Главврача, кстати, понять можно: капитаны Дозморовы приходят и уходят, а ему тут работать. Опергруппа народ «взбутетенит», дров наломает, шороху

наведет. Убийцу, может, поймают, а может, и нет. А руины после себя оставят — к гадалке не ходи!

Поэтому Желанов и пьет лекарства и настаивает на общем собрании. Оно и понятно: перестройка, гласность... Все по-новому! В масштабах одного, так сказать, отдельно взятого санатория. Людям надо объяснить, посмотреть в их глаза... Чтоб без утайки...

Капитан Илья Дозморов был уверен: по большому счету это непозволительная роскошь, потеря времени, пробуксовка, утрата внезапности.

У них труп! Молодого мужика вздернули на березе! Ночью! С кляпом во рту. Грибники обнаружили утром.

Конечно, не обязательно, что виновник — кто-то из отдыхающих санатория, хотя шансы на то велики. Неподалеку река, беседка, редколесье. Убитый мог с рыбаками повздорить, с местной шпаной схлестнуться-поцапаться опять же... Но вешать из-за этого на березе — что-то из области фантастики. Нет, тут другое. Что именно — предстояло выяснить.

Опергруппа работала слаженно и четко: быстро сняли труп, эксперт Эренбург щелкал своим «Зенитом», какой-то незнакомый следователь Варчук допрашивал тех, кто обнаружили труп в лесополосе, вел протокол.

Илья там все осмотрел: никаких кострищ, палаток, подозрительного мусора. Только пара окурков сигарет «Родопи» рядом с трупом. Курил ли убитый — неизвестно, а вот обнаружившие труп грибники — точно нет.

Сакраментальная фраза «Я его по телевизору видел» прозвучала, когда следователь практически заканчивал работу на месте происшествия. Оpozнал труп старший лейтенант Шакирьянов. Молодой, глазаcтый... Телевизор cмoтрит! Опытных опера co cлeдaкoм, выxoдит, зa пoяc зaткнул!

Убитым оказался Роберт Златоуст, исполнитель главной роли в пока еще не снятом фильме. Появился актер в санатории «Акамед» накануне утром вместе со всей группой, а сегодня найден повешенным. Такая вот нехитрая двухходовка.

Ни свидетелей, ни особых улик. Кроме окурков, разумеется.

Интуиция подсказывала капитану, что причину конфликта надо искать внутри санатория. По идее, следовало провести там качественный шмон, но санкцию в столь ранний час получить не представлялось возможным. К тому же что искать — оперативники пока не очень себе представляли.

В санатории огромное количество комнат, лечебных кабинетов, всякие холлы, актовые залы, соляные камеры, столовая, бассейн, хозяйственные помещения.

Что Златоуста погнало на ночь глядя в лесополосу?! Может, не его одного, может, с подругой... Или встречу кто назначил? Все вышеперечисленное предстояло выяснить, работы — непочатый край. Вопросы толпились в голове капитана, словно горожане на остановке в час пик.

Нет времени трепаться с трибуны, товарищ главврач! Действовать надо!

Судмедэксперт, Глеб Эренбург, когда сняли труп, прикинул, что в петле парень практически «переночевал» — где-то с двадцати четырех ноль-ноль. Видимых следов борьбы на теле обнаружено не было. Остальные подробности, понятное дело, будут после вскрытия.

Веревка была привязана к толстому березовому суку, перекинута вверху через крепкую ветку. Сам бы Златоуст так изловчиться и повеситься никак не смог, поэтому версию суицида Дозморов отмел сразу же. Ясно, что убийца обладал недюжинной силой — повесить на такой высоте отнюдь не худого парня под силу далеко не каждому.

Насколько оперативникам удалось выяснить, съемочная группа приехала в санаторий буквально накануне. Якобы вокруг — подходящие места для съемок нового сериала. Кстати, снимать собирались детектив!

Подходя сейчас к «уазику», Дозморов печенкой ощущал, какая возня началась в санатории с его уходом. Звонки главврача, то-се... Там подчистить, тут подшлифовать... И все — срочно, сей же час! Одна нога здесь, другая там. Как это знакомо!

Еще бы! В кои-то веки в твой санаторий пожаловала съемочная группа, и в первый же день съемок повесили на березе исполнителя главной роли. Тут у любого нервы сдадут!

Зиновию Яновичу не позавидуешь!

* * * *

— Значитца, так, — усевшись рядом с водителем, Дозморов на коленях раскрыл папку и протянул одну из ксерокопий назад. — Это списки всех отдыхающих.

В том числе и съемочной группы. Думаю, правильной будет двигаться по комнатам, а не вызывать каждого. Я по второму этажу, это отдыхающие, ты, Шакира, по третьему, это съемочная группа. Покойничек жил в триста пятой, насколько мне удалось выяснить.

— Ясно. — Сидящий прямо за капитаном старлей-крепыш Равиль Шакирьянов, опознавший, кстати, повешенного, пробежал своими раскосыми глазами полученный список и цокнул языком: — Ух ты, сколько женских фамилий, а симпатичные есть? На что обращаем внимание?

— Не присматривался пока... Это я насчет симпатичных... — Капитан кашлянул в кулак и обернулся. — Ты бы посерьезней! Вчера вечером была дискотека, приехавшие киношники знакомились с местными. Думаю, что-то пошло не так. Представляешь, какой замес мог быть? Вот на это и обращаешь внимание! Надо выяснить, что на этой дискотеке произошло. Она продолжалась где-то с восьми до половины десятого. Кто куда после дискотеки направился, кто что видел... Местонахождение каждого в районе с одиннадцати до полуночи или около того. Конфликты, споры, драки... Да что я вам тут...

— А нам с Ухналем что делать? — поинтересовался водитель, веснушчатый усатый Борис Зотов.

— А вы с Ухналевым — на стреме... В смысле смотреть, чтоб во время допросов никто по коридору не шастал. Особо настойчивых и наглых...

На этом месте капитан специально сделал паузу, чтобы Ухналев мог выплеснуть свою традиционную тираду: